

Аполлон Григорьев

"Гамлет" на одном провинциальном театре

(Из путевых записок дилетанта)

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Посвящ<ается> В. С. М<ежевичу>

I

Я приехал в *** на рассвете, усталый, разбитый ухабистой дорогой, измученный бессоницею, больной. Провести целую ночь под дождем проливным, можешь себе представить, как это приятно; я благодарил судьбу, что в городе оказалась довольно порядочная гостиница, где мне дали сколько-нибудь чистый номер, сколько-нибудь чистую постель и прочая; я тотчас же лег и проспал семь часов сряду каким-то летаргическим, болезненно-бесчувственным сном, что - надобно тебе сказать - всегда для меня очень приятно. Еще и в Москве я часто, бывало, проводил ночи не смыкая глаз, для того только, чтобы доставить себе удовольствие спать утром самым эксцентрическим сном; ты знаешь, я вовсе неприхотлив в моих вкусах, вовсе не гастроном, нисколько не знаю толку в вине и даже, к величайшему ужасу порядочных людей, совершенно не привязан к комфорту, но - в отношении ко сну - я прихотлив, разборчив, как слишком немногие, и могу сказать, что во сне я знаю толк почти столько же, сколько в женщинах, потому что, *apres tout*, {в конце концов (франц.).} только две эти вещи я и люблю на свете: было время - славное, право, время, - когда, ложась спать, я знал, я был уверен, что бросаюсь в совершенно иную, в совершенно новую жизнь, бросаюсь с тем же чувством страха и лихорадочного удовольствия, с каким бросаются в воду с возвышенности. Да, - сон вещь хорошая, чуть ли не лучшая в жизни, - чуть ли, говорю я, потому что есть другая, ей равная, - женщина, но и женщина не тот ли же сон, только почти всегда злоеший... Не в этом дело, впрочем: дело в том, что я проспал семь часов сряду, как убитый. Просыпаюсь, смотрю на часы - второго половина. Боже мой! Целых еще 18 часов ждать опять дороги. Мне стало истинно досадно; я повернулся на другой бок и попробовал, нельзя ли спать еще; но, видно, это была уже физическая невозможность, видно, злая судьба определила мне видеть древности города*** и рутинерски любоваться его прекрасными видами, великолепными зданиями, фабриками и заводами, всем, одним словом, о чем пишется в географиях и чего нет на факте, всем, что мне опротивело с детства в географиях. Нечего делать! Встал, спросил себе чаю, лениво выпил три стакана и выкурил две регалии {1}... Пробило два! Ну, хоть полчаса как-нибудь убито. Сел к окну и стал думать... О чем, спросишь ты? О ничем, мой милый, что, впрочем, вовсе не значит ни о чем не думать. Блаженны ни о чем не думающие - прибавил бы я к числу семи блаженств, я, который в состоянии думать о ничем...

Наконец мне стало несносно скучно, и я уже решался даже идти осматривать ***-ские древности, несмотря на то, что древности составляют один из предметов моего отвращения, {2} как вдруг довольно громкий разговор за стеною в соседней комнате заставил меня выйти из моего самоуглубления. Стена, или, точнее сказать, перегородка, была очень тонка, и разговор можно было расслушать почти от слова до слова. Это были два женских голоса; один из них звучал неприятно и резко: нетрудно было угадать, что он принадлежит одному из тех существ, которые не могут быть ни кем иным, как чиновницами известного класса, и притом матушками; другой был свежий, как весенний воздух, тонкий голос девочки...

Сначала я, от нечего делать, стал просто прислушиваться к звукам этих двух голосов, вовсе не обращая внимания на содержание разговора; мне был как-то по душе этот звонкий, несоздавшийся, ребяческий голос, в котором таился или страстный шепот женщины, или кухонная брань будущей титулярной, надворной, коллежской советницы и начальницы отделения. Да! то или другое, ибо в этом голосе было что-то несоздавшееся: он был чист и звонок, но его